

ЛИТЕРАТУРА НА ВОСТОКЕ

DOI: 10.31857/S086919080005241-2

КАК АРАБСКИЙ КНИЖНИК СТАЛ МАЛАЙСКИМ ПИСАТЕЛЕМ.
ИСТОРИЯ АБДУЛЛАХА БИН АБДУЛКАДИРА МУНШИ
(1796/7–1854)

© 2019

Л. В. ГОРЯЕВА

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>; goriaeva@mail.ru

Резюме: Статья посвящена обстоятельствам жизни и воспитания Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши (1796/7–1854) – этнического араба из Малакки, знатока ислама и мусульманской книжности, а также обстоятельствам его становления как малайского писателя. В условиях преобладания арабской духовной культуры как основы школьного образования в Малакке начала XIX в. и отсутствия школ, где систематически преподавалась бы малайская словесность, возможность появления современного автора, пишущего по-малайски и адресующего свой труд людям того же поколения, была практически исключена. Становлению Абдуллаха как писателя помогли два обстоятельства. Во-первых, его отнюдь не поверхностное знакомство с самыми выдающимися образцами традиционной малайской литературы, сохранившимися в виде рукописей, которое сопровождалось изучением малайской стилистики, лексикологии, риторики, приемов построения традиционного нарратива. Во-вторых, его мастерство как стилиста, что оттачивалось в течение многих лет, когда он в качестве редактора и переводчика сотрудничал с протестантскими миссионерами и издателями, публиковавшими тексты на малайском языке. Не изменяя вере своих отцов, Абдуллах в полной мере был солидарен с просветительской миссией европейцев. В своих книгах он не раз и не два возвращается к таким проблемам, как грубость местных нравов, отсталость и косность традиционного общества, неприятие прогрессивных преобразований, отсутствие самоуважения у простых малайцев. Эта сформировавшаяся позиция нашла свое наиболее яркое отражение в знаменитых мемуарах Абдуллаха, где писатель предстает человеком Нового времени, отвергающим предрассудки прошлого, объясняющим неуместность и вред некоторых общепринятых обычаев и установлений. Написав книгу, чьим главным героем был он сам, Абдуллах сохранял неизменную приверженность лучшим традициям классической малайской литературы, такой, в частности, как ее образовательная направленность. Тем самым писатель не прерывает линию преемственности, но выступает связующим звеном между словесностью прошлого и литературой XX в.

Ключевые слова: малайская литература, мемуары, Абдуллах Мунши, устная и письменная традиция, протестантские миссионеры, просветительство, учительная миссия литературы.

Для цитирования: Горяева Л. В. Как арабский книжник стал малайским писателем. История Абдуллаха бин Абдулкадира Мунши (1796/7–1854). *Восток (Oriens)*. 2019. № 3. С. 183–190. DOI: 10.31857/S086919080005241-2

HOW AN ARAB SCRIBE BECAME A MALAY WRITER: THE LIFE STORY
OF ABDULLAH BIN ABDULKADIR MUNSHI (1796/7–1854)

Liubov V. GORIAEVA

Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>; goriaeva@mail.ru

Abstract: The paper examines the life circumstances and upbringing of Abdullah bin Abdulkadir Munshi (1796/7–1854) – an ethnic Arab from Malacca, a devout Muslim, expert in Islamic book culture, – as well as the circumstances of his becoming a Malay writer. Due to the predominance of Arab spiritual culture as a basis of school education in Malacca in the beginning of the 19th century and the lack of schools where Malay literature would be systematically taught, the possibility of the emergence of a modern author writing in Malay and addressing his book to people of his generation was practically excluded. Two circumstances contributed to Abdullah's formation as a writer. First, it was by no means superficial acquaintance with the most outstanding examples of traditional Malay literature, preserved in the form of manuscripts, which was accompanied by the study of Malay stylistics, lexicology, rhetoric, and methods of constructing a traditional narrative. Secondly, his skill as a stylist was refined for many years, when he worked as an editor and translator with Protestant missionaries and publishers who published texts in Malay. Without betraying the faith of his ancestors, Abdullah fully agreed with the educational mission of the Europeans. In his books he more than once or twice returns to such problems as the rudeness of local customs, the backwardness and inertia of traditional society, the rejection of progressive transformations, and the lack of self-esteem among ordinary Malays. This formed position was most clearly reflected in the famous memoirs of Abdullah, where the writer appears to be a New Age man, rejecting the prejudices of the past, explaining the irrelevance and harm of some generally accepted customs and establishments. Having written a book whose main character was himself, Abdullah retained an unwavering adherence to the best traditions of classical Malay literature, such as, in particular, its educational orientation. Thus, the writer does not interrupt the line of continuity, but acts as a link between the written heritage of the past and the literature of the 20th c.

Keywords: Malay literature, memoirs, Abdullah Munsyi, oral and written tradition, Protestant missionaries, enlightenment, educational mission of literature.

For citation: Gorjaeva L. V. How an Arab scribe became a Malay writer: the life story of Abdullah bin Abdulkadir Munshi (1796/7–1854). *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 3. Pp. 183–190. DOI: 10.31857/S086919080005241-2

В истории культуры народов островной Юго-Восточной Азии Абдуллах бин Абдулкадир Мунши занимает особое место и вполне заслуженно именуется родоначальником современных малайской и индонезийской литератур. Главный труд его жизни, мемуары «История Абдуллаха» (*Hikayat Abdullah*) [Sweeney, 2008] впервые опубликованные в 1849 г., стал первым из написанных по-малайски сочинений, автор которого говорил о себе «я», не прячась под традиционной маской безымянного «владельца этой истории»¹, и дал письменный отчет о самых разнообразных событиях жизни в Малайе, свидетелем которых ему довелось быть.

Писатель родился в Малакке в 1796 или 1797 г., будучи пятым и единственным выжившим ребенком Шейха Абдулкадира, весьма набожного и образованного мусульманина арабо-индийского происхождения. В то время деятельность отца Абдуллаха была связана с морем: он был начальником порта, а позднее служил капитаном торгового корабля, курсировавшего вдоль побережий Малаккского полуострова и острова Ява. Одновременно голландские власти Батавии поручили Абдулкадиру как человеку, знавшему толк в книгах, сбор рукописей в посещаемых им прибрежных областях Нусантары.

Отец Абдуллаха часто бывал в разъездах, и воспитанием мальчика занимались мать и бабушка с отцовской стороны. В то время последняя руководила в Малакке школой, где около двухсот учеников, мальчиков и девочек, обучались чтению Корана. С четырехлетнего возраста Абдуллах сопровождал бабушку в школу и, пока она вела урок, сидел рядом, слушая звуки зубрежки и чтение священной книги ислама.

¹ Подробнее об этом см.: [Горяева, 2017, с. 56–57].

«Тогда-то бабушка и дала мне для забавы сделанное из папоротника² перо, грифельную доску и немного чернил из рисового отвара. Она сказала: «Вот это будет твоим занятием в течение всего дня»³.

Бабушка не была слишком требовательна к внуку. Хотя рука мальчика уже привыкла к перу, и он успешно копировал буквы, однако до семи лет так и не одолел ни одного из джузов⁴ Корана. Отец, прибывший из очередной поездки, обнаружил это и решил взяться за сына как следует, и мальчика отдали в кораническую школу.

В памяти писателя навсегда запечатлелась суровость школьных порядков, о которых родителям было прекрасно известно:

«По обычаю, когда кто-то посылал ребенка на учение, мать или отец сначала являлись, чтобы выразить свое почтение учителю [...]. С ними же был и мальчик, которого отдавали в учение, и отец с матерью говорили: «Господин, скажем лишь о двух вещах. Во-первых, помните, что он наше любимое дитя, а во-вторых, не ломайте ему руки и ноги. Ну а все прочее пусть совершается по вашему усмотрению».

Школьные строгости и жестокое обращение с учениками поразили воображение Абдуллаха. Писатель снабдил свой рассказ иллюстрациями, где изображались орудия наказания, и дал подробное описание этих жестоких расправ. Хотя Абдуллах-школьник норовил любым путем уклониться от занятий и хитростью или обманом избежать кары за свои проступки, писатель завершает свой рассказ назиданием (*nasehat*) – необходимым атрибутом малайского дидактического сочинения, – где заявляет, что в результате все эти жестокие меры пошли ему на пользу: «...Каждый рубец, что оставили на моем теле розги за время учения – словно факел для меня, а каждая пощечина – словно очки, [придающие остроту зрению]. Без этого факела и этих очков я не раз мог бы свалиться в пропасть или придорожные канавы, как это случилось со многими... И да дарует милосердный Аллах процветание и благоденствие моим учителям, удержавшим меня от таких падений, вручившим мне пробный камень, дабы я не соблазнился фальшивым золотом и серебром и не принял алмаз за булыжник!»

Обучением чтению Корана дело не ограничилось. Отец Абдуллаха решил, что сын должен идти по его стопам, выступая посредником в торговых и иных деловых контактах между представителями разных диаспор, проживающих в регионе, для чего ему следовало освоить тамильский язык. Одновременно Абдулкадир продолжал готовить Абдуллаха к карьере делопроизводителя:

«Однажды отец распорядился: “Бери стопочку бумаги, чернильницу, перо и отправляйся в мечеть. Будешь записывать имена всех, кто входит и уходит, а вечером покажешь мне”... Я делал, как было сказано, и каждый вечер показывал отцу эти имена... Так продолжалось около месяца, и наконец я научился писать имена, как следует.

[...] В другой раз отец распорядился: “Пиши под мою диктовку”. Спустя два часа он потребовал у меня эти записи, [...] пометил ошибки, неверный порядок букв, неровности в написании строки и разбиении на фразы, а затем сказал: “Будешь приходить ко мне каждый день и писать!” На завтра же слова были другие, которых я и не слышивал, и обороты, и трудные имена, и все это мне было велено записывать. День ото дня я чувствовал себя увереннее. Так прошло два месяца, и наконец я стал писать без ошибок».

Одновременно отец заставил Абдуллаха упражняться в переписывании Корана, что вскоре стало для мальчика источником дохода:

² *Resam* – вид папоротника *Gleichenia linearis*, из стеблей которого делают перья.

³ Здесь и далее перевод отрывков «Истории Абдуллаха» дается по изданию [Sweeney, 2008].

⁴ *Джуз* – один из 30 разделов Корана

«В те времена в Малакке английское войско состояло из сипаев⁵ – бенгальцев и индусов. Из них три четверти исповедовало ислам, а четверть – индуизм. Мусульманам же положено читать Коран и творить молитву. Они явились в дом бабушки и поручили моим дядям переписать Коран за плату. Я взялся переписывать вместе с ними и неплохо заработал. Усердия у меня прибавилось, и я писал целый день напролет».

Знакомство с сипаями дало Абдуллаху возможность изучить язык хиндустан (хинди). Круг его общения расширялся. К тому времени он уже владел письменным арабским, малайским и тамильским языками, поэтому индийцы прозвали его «Мунши» – учителем языков. Под этим именем Абдуллах ибн Абдулкадир вошел в историю малайской и индонезийской литературы.

Деловые качества юного книжника проявились из-за случайного стечения обстоятельств: в отсутствии отца ему удалось составить по всей форме долговую расписку от имени одного из местных купцов, адресованную его кредитору. Обнаружив, что документ составлен по форме, без ошибок, отец стал препоручать сыну составление писем, свидетельств, доверенностей, завещаний и прочего.

Юный клерк не ограничивался делопроизводством: его неудержимо притягивала малайская книжная словесность. Абдуллах подчеркивал, что писать и сочинять на этом языке умели едва ли полдюжины малаккцев. В их числе были не только этнические малайцы, но и местные уроженцы из числа индийцев и арабов. Наставники разъяснили Абдуллаху, что в малайском языке есть свой синтаксис, своя морфология и свои правила словоупотребления, свои остановки и свои зачины⁶, в каких случаях полагается ставить фатху, дамму, кясру и сукун⁷..., но отмечали при этом, что знатоков – ученых, способных описать и упорядочить правила малайского языка, – пока не существует.

В то время знанием арабского малаккцы тоже не могли похвастаться. Положение изменилось, когда в городе появился некий йеменский шейх, Муаллим Мухйиддин:

«Слушая, как он читает Коран, изумленные малайцы, казалось, слышали райскую музыку, ибо это было чтение с соблюдением всех правил, с краткими и долгими звуками... С этого времени обучение малаккских детей чтению Корана вслух получило большое распространение. Прежде об этом и речи не было: люди не знакомы были с правилами, долгими и краткими звуками, маддами и вакфами⁸, произношением и прочим».

Немного спустя в Малакку прибыл арабский богослов Сеййид Шейх бин Алви из рода Бафаких, искушенный и в малайском, и, конечно, арабском языках. Вместе с другими его учениками Абдуллах стал изучать трактат «Умму'л Барахин»⁹, где излагались основы веры.

Стоит отметить, что в малайском мире упомянутые арабские шейхи стали носителями знаний, выходящих за привычные для большинства малайцев рамки обрядового благочестия. К началу XIX в. в мусульманской Малакке знание арабского языка и основ ислама было более чем поверхностным. Арабский принадлежал сфере письменной культуры, и для массы верующих его сколько-нибудь внятное и аутентичное звуковое воплощение не было доступно, не говоря уже о понимании тонкостей мусульманской доктрины.

⁵ Сипаи (от перс. سپاهی, sipâhi – солдат) – наемные солдаты в колониальной Индии, рекрутировавшиеся европейскими колонизаторами из среды местного населения.

⁶ Возможно, автор имеет в виду слова, маркирующие на письме начало фразы (Maka), абзаца (Sebermula, Syahadan, Arkian) и главы (Alkesah).

⁷ Фатха, дамма, кясра и сукун – система подстрочных и надстрочных диакритических знаков (огласовок), используется в арабском письме для обозначения кратких гласных и других особенностей произношения слова, не отображаемых буквами.

⁸ Мадда – знак удлинения гласной, вакф – пауза при чтении Корана.

⁹ «Умму'л Барахин» («Основы доводов», другое название «Ақыда ахли-т-таухид ас-сугра») – сочинение шейха Мухаммада Йусуфа ал-Сануси (838–895), получившее с конца XVII в. широкое распространение в Нусантаре.

ны. По замечанию английского миссионера, преподобного У. Милна, малайцы полагали, что до слуха Всевышнего доходят лишь молитвы, произнесенные по-арабски, однако, если бы миссионеры на деле перешли на этот язык, их проповедь могло бы понять лишь ничтожное меньшинство [Proudfoot, 1993, с. 12].

Родной малайский язык имел совершенно иной статус. Для подавляющего большинства он был лишь средством бытового общения, но отнюдь не языком письменной культуры. Знание малайской книжности (прозы, поэзии, сочинений светского или религиозного содержания) было достоянием очень узкого круга образованных людей, – как правило, лиц, близких ко дворам местных правителей. В то же время малайский, *lingua franca* островной Юго-Восточной Азии, как никакой другой подходил для решения тех задач, которые ставили перед собой колониальная администрация и европейские миссионеры.

Дарования и умения Абдуллаха в полной мере оказались востребованы в период 1810–1811 гг., когда юноша поступил на службу в канцелярию Стэмфорда Раффлза (1781–1826), британского колониального администратора, чья биография на протяжении многих лет была связана с регионом островной Юго-Восточной Азии. Будучи не только чиновником, но и пытливым, разносторонним ученым, Раффлз оставил значительный след в науке, в частности собрал обширную коллекцию малайских рукописей. Последние не только приобретались им у владельцев, но и копировались писцами, работавшими в аппарате Раффлза. В числе последних оказался и Абдуллах, компетенции которого пришлось здесь весьма кстати. Раффлз не проявлял особого интереса к сочинениям богословского характера, в отличие от произведений изящной литературы (как прозы, так и поэзии), исторических хроник и уложений. Для Абдуллаха как будущего писателя работа с этими материалами стала настоящей школой стилистики, раскрыв перед юношей все выразительные возможности малайского книжного языка.

Новым этапом биографии Абдуллаха стало сотрудничество с европейскими миссионерами, некоторые из которых направлялись в Китай, но по ряду причин на время обосновывались в Малакке [Putten, 2006, с. 412]. Началом его карьеры как малайского литератора и стилиста стала работа над редактированием перевода «Евангелия от Матфея» и «Деяний апостолов» [Hunt, 1989, с. 36–38]. Первое знакомство с Новым Заветом, переведенным на малайский и выпущенным в Батавии в 1758 г., обескуражило юного книжника:

«Прочитав первую страницу, я увлекся и читал всю ночь напролет, одолев почти всю книгу. Буквы и слова в ней были малайские, а слог не малайский, слова употреблены не в тех местах и как-то странно соединены между собой, поэтому скрытый смысл книги ускользал от меня, а слог резал мне ухо. Получалось, что написана она для белых людей, а я их языком не владею».

Инициатором нового перевода стал пастор-датчанин, преподобный К. Х. Томсен (р. 1782) – сотрудник Лондонского миссионерского общества, основатель первой малайской типографии в Сингапуре в начале 1820-х гг. [Milner, 1980, с. 111–118]. Их совместная работа не всегда шла гладко. Абдуллах, который к тому времени уже достаточно овладел английским и мог сверять малайский текст с английским переводом Евангелия, остался не слишком доволен своим патроном: Томсен придумывал свои правила орфографии и стилистики, а также настаивал, чтобы на письме обозначали все гласные без исключения [Sweeney, 2008, с. 331–333]. Несмотря на это, в последующие годы их связывала искренняя дружба. С помощью Томсена Абдуллах овладел ремеслом наборщика и научился изготавливать литеры, отсутствующие в арабском языке, но необходимые в малайском. Результатом их сотрудничества явился, среди прочего, англо-малайский словарь, вышедший двумя изданиями – в 1820 и 1827 гг. [Bastin, 1983, с. 10–11; Proudfoot, 1993, с. 550].

Нельзя не признать, что именно миссионеры и ряд деятелей колониальной администрации немало способствовали повышению статуса малайского языка в регионе. Сбор и копирование рукописей, введение книгопечатания, переводы на малайский новозаветных книг, организация малайских школ, издание журналов просветительской направленности содействовали в конечном счете укреплению его позиций как языка культуры [Putten, 2006, с. 410–411]. Появляются журналы научно-популярного характера, где христианская проповедь стоит отнюдь не на первом месте. В числе тех, где Абдуллах выступал и редактором, и переводчиком, и автором статей, можно упомянуть такие журналы и альманахи, как «Сад знаний» (*Taman Püngatauan*, 1848–1852), «Собиратель зерен знаний» (*Püngutip Segala Remah Püngatauan*, 1852–1854?) и «Очки для алчущих знания» (*Cermin Mata Bagi Segala Orang Yang Menuntut Pengetahuan*, 1858–1859). В последнем из упомянутых изданий тексты Абдуллаха публиковались после кончины автора. И хотя исходной задачей западных миссионеров – авангарда европейского просвещения на Востоке – была христианская проповедь, следствием их работы стало изменение общего культурного фона, расширение представлений о мире и о месте человека в нем. На этом этапе появление писателя, говорящего от первого лица и повествующего о современных ему событиях, было неизбежно. Таковым и стал Абдуллах.

Как прозаические, так и поэтические тексты, принадлежащие его перу, основаны на документальном материале. В 1838 г. по совету американского миссионера и издателя, преподобного Альфреда Норта¹⁰, с которым Абдуллах сотрудничал с 1836 г., он обращается к жанру травелога и рассказывает о своей деловой поездке из Сингапура в Келантан [Sweeney, 2005, с. 40–52]. В этом сочинении, как и в поэмах о пожаре Сингапура (1843) или пожаре в Кампунг Гелам (1847) [Sweeney, 2006, с. 93–176], автор говорит о себе в первом лице как о свидетеле описываемых событий, используя при этом приемы и образы, присущие традиционной поэзии и прозе. Здесь наиболее ярко проявилась главная особенность творчества писателя: его назидательная направленность.

Отчетливо выраженный дидактический характер имеют и сочинения, посвященные достижениям западной цивилизации – такие, например, как «Рассказ о пароходе» (1841) [Sweeney, 2006, с. 239–308]. Изложив техническую сторону вопроса, автор «Рассказа» обращается к читателям с призывом заимствовать у европейцев их полезный опыт. Одновременно он осуждает тех, кто считает малайцев тупым, неспособным к развитию народом (этим, по словам писателя, грешат не европейцы, как можно было бы подумать, а соплеменники Абдуллаха по крови, арабы – более образованная часть местного общества). Лейтмотивом книги является тема воспитания у малайцев самоуважения и уверенности в своих силах.

Стоит подчеркнуть, что, в отличие от ряда местных уроженцев, сотрудничавших с миссионерами, Абдуллах никогда не изменял вере отцов и на склоне лет отправился паломником в Мекку, где и оборвались его дни [Абдуллах бин Абдулкадир..., 2016]. Нравственная проповедь писателя-мусульманина была направлена на достижение гуманистических идеалов – как в государственной, общественной, так и частной жизни. Не раз и не два в своих книгах он заявлял о приоритете знания над материальными благами:

«Все вещи, сотворенные Аллахом в этом мире, имеют свою цену, и люди могут определить их стоимость. А сколько стоят знания, определить не могут. Все земные сокровища, богатства и слава суть зло и подобны женщине легкого поведения, переходящей от одного к другому по своей прихоти. Но знания – совсем иное дело: они не предадут, и лик их лучезарен. Они – лучшие друзья для умного человека, и покинут его лишь тогда, когда душа его расстанется с телом...».

¹⁰ Алфред Норт /Alfred North (1807–1869) — протестантский миссионер, сотрудник Американского совета уполномоченных по иностранным миссиям (ABCFM).

Венцом творчества писателя стала автобиографическая «История Абдуллаха». В этой книге, впервые опубликованной в 1849 г., был аккумулирован весь жизненный опыт писателя: от истории семьи, младенчества и детства до событий и встреч, в той или иной мере связанных с его работой как клерка, переводчика, педагога и издателя, чья профессиональная деятельность проходила в сотрудничестве с европейцами. Взявшись за перо по настоянию того же Алфреда Норта, Абдуллах создает обширное полотно своей эпохи, в истории островной Юго-Восточной Азии времени достаточно бурного. Он лично наблюдает и подробно описывает самые разнообразные эпизоды многолетнего соперничества и военного противостояния между Британией и Голландией, историю возникновения Сингапура как британского форпоста в регионе, рассказывает о культурных и образовательных новациях колониальных властей, строительстве школ нового, современного типа, о «второй власти» Сингапура – китайском тайном союзе *Тянь ди хуэй* и т.д. Именно этому сочинению Абдуллах и обязан званием родоначальника современных малайской и индонезийской литератур. У некоторых эта формулировка вызывает вопрос: можно ли считать таковым человека, посвятившего себя исключительно документальному жанру?

Думается, что Абдуллах в полной мере заслужил это право. Начиная с юных лет писателем был пройден долгий путь от вдумчивого читателя, знатока арабских и малайских рукописей, переводчика и редактора, до создателя собственных сочинений. Его творчество внесло в малайскую литературу автора со своим лицом, биографией и жизненным кредо, непохожего на бесстрастного и безымянного хрониста, поэта или писателя прежних времен. Главное для него – донести до читателя свое свидетельство и, подобно его предшественникам из прежних времен – хронистам, авторам дидактических трактатов, – дать нравственную оценку пережитого им события. Здесь Абдуллаху как никому прежде удалось ответить на вызовы современной эпохи и сделать шаг в будущее, сохранив при этом приверженность традициям классической малайской литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Абдуллах бин Абдулкадир и его «Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» (1854). Предисл., пер. с малайск. яз. и коммент. Л. В. Горяевой. *Письменные памятники Востока*. 2016. № 4(27). С. 5–23. [Abdullah bin Abdulkadir and his “*Story of Abdullah’s sailing from Singapore to Mecca*” (1854). Preface, transl. from Malay and comments by L. V. Gorjaeva. *Pis’mennye pamiatniki Vostoka*. 2016. No. 4(27). Pp. 5–23].

Горяева Л. В. Текст и его автор в традиционной малайской повествовательной прозе: к эволюции образа. *Восток. Oriens*. 2017. № 4. С. 56–66 [The text and its author in traditional Malay narrative prose: to the evolution of the image. *Vostok (Oriens)*. No. 4. Pp. 56–66].

Bastin J. The Missing Second Edition of C. H. Thomsen and Abdullah bin Abdul Kadir’s English and Malay Vocabulary. *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 56, No. 1(244) (1983). Pp. 10–11.

Hunt R. A. The History of the Translation of the Bible into Bahasa Malaysia. *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 62, No. 1(256). 1989. Pp. 35–56.

Milner A. C. A Missionary Source for a Biography of Munshi Abdullah. *Journal of the Malaysian Branch of the Royal Asiatic Society*. Vol. 53, No. 1(237). 1980. Pp. 111–119.

Proudfoot I. *Early Malay printed books: A provisional account of materials published in the Singapore-Malaysia area up to 1920, noting holdings in major public collections*. Kuala Lumpur: Academy of Malay Studies and the Library, University of Malaya, 1993.

Putten J. van der. Abdullah Munsyi and the missionaries. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde (BKl)*. Vol. 162, Issue 4. 2006. Pp. 407–440.

Sweeney A. (ed.). *Karya Lengkap Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi. Jilid 1. Kisah pelayaran Abdullah ke Kelantan, Kisah pelayaran Abdullah ke Mekah*. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, Ecole Française d’Extrême-Orient, Perpustakaan Nasional RI, 2005.

Sweeney A. (ed.). *Karya Lengkap Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi*. Jilid 2. *Puisi dan Ceritera*. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, Ecole Française d'Extrême-Orient, Perpustakaan Nasional RI, 2006.

Sweeney A. (ed.). *Karya Lengkap Abdullah bin Abdul Kadir Munsyi*. Jilid 3. *Hikayat Abdullah*. Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, Ecole Française d'Extrême-Orient, Perpustakaan Nasional RI, 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ГОРЯЕВА Любовь Витальевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Liubov V. GORIAEVA – PhD (Philology), Leading research fellow, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.